

— Нашёл, и что? Сможешь воспитать? — Оу Цянь покачал головой. — Уже слишком поздно, матушка. Девушку, которую не растили более десяти лет, не получится исправить за день или два.

— Всё это проклятый долг! — Госпожа Чжао с непростыми чувствами прошептала сама себе.

— Нет, в конечном итоге, это моя неспособность, — с самокритичной усмешкой произнёс Оу Цянь. — Если бы я обладал хотя бы третью способностей младшего брата или его остротой, семья Оу не оказалась бы в таком положении, где мы вынуждены зависеть от других. Матушка, не тратьте свои силы на завтрашние дела. Всё предопределено свыше. Если кто-то из семьи решит спровоцировать младшего брата, пусть будет как есть! Мне, с моими ограниченными возможностями, всё равно не под силу прокормить такое количество людей. Если младший брат поможет уменьшить это бремя, я буду только рад.

— ... Ладно, — на лице госпожи Чжао также появилась усталость. — Пусть будет по-твоему, пусть всё идёт своим чередом.

Этой ночью семья Оу провела в тревоге, никто не смог уснуть.

Однако на следующий день, когда солнце уже поднялось высоко, императорский супруг так и не появился.

Семья Оу начала всё больше беспокоиться, Оу Цянь и Оу Цзин стали переживать, не разозлился ли Оуян настолько, что даже не удосужился прийти с обвинениями.

Когда семья Оу уже начала обсуждать, не отправить ли кого-нибудь в дом Оуяна или в Летний дворец, чтобы узнать, что происходит, у ворот Дома маркиза Чэньэня наконец появился молодой дворцовый слуга.

Семья Оу поспешила пригласить его внутрь, и из уст этого улыбающегося слуги они узнали, что Девятитысячелетний императорский супруг сегодня чувствует себя неважно, и визит отменяется.

— Если бы Девятитысячелетний действительно заболел, разве ты пришёл бы с улыбкой передать это сообщение?!

Как бы ни были недовольны в душе члены семьи Оу, на лицах они сохраняли улыбки, осторожно спрашивая, насколько серьёзно недомогание Оуяна и можно ли им навестить его во дворце.

— Девятитысячелетний сказал, что если вы действительно беспокоитесь о нём, можете отправить госпожу Цзин навестить его, — слуга по-прежнему улыбался.

Лица членов семьи Оу выразили смесь удивления и радости.

Оу Цянь, однако, не стал строить иллюзий и поспешил уточнить, когда можно будет отправиться во дворец — сегодня или позже.

Слуга сразу же серьёзно ответил, что, хотя Летний дворец находится за пределами внутреннего дворца, там всё равно действуют дворцовые правила. Госпожа Цзин не является придворной, поэтому сначала нужно подать прошение и дожидаться разрешения от дворца.

Услышав это, некоторые члены семьи всё ещё не понимали, но Оу Цянь, с его острым умом,

почувствовал, как сердце его сжалось.

— Это означает, что Оу Цзин теперь чужой человек?

Однако слуга, посланный сообщить об этом, не обращал внимания на мысли семьи Оу и не собирался объяснять им намерения Оуяна. Закончив говорить, он с улыбкой попрощался и ушёл.

На самом деле семья Оу слишком усложнила ситуацию.

После ночи сна гнев Оуяна утих, и, учитывая вчерашние события с Ци Юньхэном, он проснулся уставшим, с ноющей спиной и слабыми ногами, что естественно вызвало у него лень и нежелание куда-либо идти.

Лежа в постели и размышляя, Оуян пришёл к выводу, что история с Оу Цзин, вероятно, была просто слухом.

В конце концов, всё зависело от него, и он мог решить, как поступить. И судя по реакции Оу Цяня, отец явно не хотел отправлять дочь во дворец ради мнимого богатства и славы. Что касается самой Оу Цзин, она была ещё незрелой, не имела чувств к Ци Юньхэну и, будучи воспитанной с высокими амбициями, вряд ли согласилась бы стать простой наложницей, если только не получит титул императрицы.

Подумав так, Оуян ещё больше не захотел возвращаться в дом Оу ради пустых разговоров и сразу же приказал Пан Чжуну отправить сообщение семье Оу, что он не приедет.

Что касается прошения о встрече, это было сделано для того, чтобы официально устроить встречу Оу Цзин с императрицей Ван и публично развеять слухи о её возможном вступлении в императорский дворец.

Три дня спустя Оу Цзин и госпожа Чжао получили вызов во дворец.

Следуя указаниям посланника, они сначала отправились в Летний дворец.

Увидев там спокойное и бесстрастное лицо Оуяна, сердце Оу Цзин успокоилось — по её опыту, такой вид Оуяна означал, что он просто ленится, и, вероятно, не приехал в дом Оу из-за этого.

Госпожа Чжао, однако, впервые за десять лет увидела Оуяна, и её сразу же охватил холодный пот от его неизменного красивого лица. Присмотревшись к его внешности и манерам, она сразу поняла, почему её старший сын так решительно отказался отправлять внучку во дворец.

Зачем ей туда идти?

Соперничать с дядей за внимание?

Госпожа Чжао, проведшая много лет в дворцовых интригах, научилась распознавать, действительно ли женщина любима мужчиной. Хотя Девятитысячелетний и не был женщиной, его расслабленная поза и ленивый взгляд явно указывали на то, что он только что был обласкан, и следы этого ещё не исчезли.

Подумав о своих предположениях относительно этого человека, госпожа Чжао почувствовала ещё больший страх, даже возникла мысль о том, чтобы уговорить мужа пожертвовать собой ради семьи, чтобы они могли покинуть столицу под предлогом траура и избежать участия с

этим странным существом, чтобы не быть уничтоженными всей семьёй.

Возможно, это материнская интуиция, но с тех пор, как она увидела, как Оуян убил своего сводного брата, госпожа Чжао считала, что её третий сын уже мёртв, а перед ней — злой дух, принявший облик её сына, чтобы сеять хаос в мире.

Но если так подумать, её Оуян был убит в пруду дома графа Цинъяна сводными братьями и сёстрами, а этот человек отомстил за её сына. Именно благодаря его появлению её сын не умер безвестно, и его смерть не осталась без ответа.

Госпожа Чжао не могла испытывать благодарности к этому духу, занявшему тело её сына, но и ненависти тоже не было.

В конце концов, этот человек ничего ей не был должен, также как и семье Оу, и, заняв тело Оуяна, он уже отплатил кровью, так что они были квиты.

Но стать ближе к нему, относиться к нему как к родному сыну, было невозможно.

Каждый раз, видя этого Оуяна, госпожа Чжао вспоминала, как умер её сын.

Настоящие убийцы, конечно, заслуживают ненависти, но разве она сама не была соучастницей? Если бы она тогда больше заботилась о сыне, думала о людях с большей подозрительностью или, как сейчас, действовала на опережение, не боясь испачкать руки, её сын, возможно, не стал бы жертвой отравления, и его тело не занял бы этот неизвестно откуда взявшийся злой дух.

Госпожа Чжао подавила внутренний стон, опустила голову и вместе с Оу Цзин поклонилась Оуяну.

Оуян спокойно принял их поклон.

Когда госпожа Чжао и Оу Цзин сели, Оуян наконец заговорил:

— Знаете, зачем я вас вызвал?

— Возможно, из-за слухов о вступлении Цзин в императорский дворец? — спокойно ответила госпожа Чжао. — Девятитысячелетний, будьте спокойны, это просто глупая ошибка матери Цзин, которая слишком прямо высказала свои мысли, и этим воспользовались злоумышленники. В семье Оу нет таких намерений, и мы никогда не думали отправлять других дочерей во дворец.

— Это хорошо, — кивнул Оуян, не вдаваясь в подробности, и повернулся к Пан Чжуну. — Скажите императрице, что госпожа маркиза Чэньэня уже здесь, и, если это удобно, отправьте кого-нибудь встретить их.

— Слушаюсь! — Пан Чжун поклонился и ушёл.

Оуян снова повернулся к госпоже Чжао:

— Цзин уже не маленькая, весной начните присматривать ей жениха. Главное, чтобы ей самой нравилось, статус и родословная не важны — конечно, насильно мил не будешь, так что не выбирайте только по своему вкусу, важно, чтобы и другой стороне это было по душе.

Последние слова Оуян сказал для Оу Цзин.

— Я бы никогда так не поступила! — Услышав, что Оуян даже не упомянул её мать, Оу Цзин окончательно успокоилась, надула губы и начала капризничать.

— И правильно, как бы я тебя ни баловал, я не могу помочь тебе похищать мужчин, — серьёзно ответил Оуян.

— Дядя!

После нескольких шуток Пан Чжун получил сообщение из Дворца Фэнци и, подойдя к Оуяну, шепнул, что императрица уже отправила кого-то встретить их.

<http://bllate.org/book/16203/1454598>